

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Вез. Кеммербург. - 1998. - 25 июня. -
А ГОЛОС С.З.

ТАК ДИВНО ЗВУЧАЛ

Сегодня 40 дней, как ушла из жизни Нина Дорлиак.

1945-й, год Великой Победы, для меня знаменателен еще несколькими личными событиями: я поступил в Консерваторию и тогда же впервые услышал Рихтера, чье искусство с той поры озаряло всю мою жизнь. А с 1947-го или 1948-го Святослав Теофилович стал приезжать и концертировать вместе с женой, певицей Ниной Львовной Дорлиак, и ни одного их выступления я не пропустил. Поначалу, впрочем, я поддавался разделявшемуся поклонниками великого пианиста реанимационному чувству: это, дескать, партнерство неравное. Он, только что окончивший Консерваторию (куда, как известно, поступил к Г.Г.Нейгаузу уже будучи зрелым музыкантом), титан, живое олицетворение Sturm und Drang'a, — вынужден обуздывать свой стихийный темперамент и приглушать могучий тон, дабы она — профессор камерного пения (Нина Львовна начала преподавать сразу же по окончании учебы и профессору получила очень рано), человек с уравновешенным взглядом на жизнь, эмоционально сдержанный, обладательница небольшого голоса — была услышана.

Ее певческий стиль поначалу показался мне несколько манерным, а произнесение слов — чуть аффектированным. Однако этот негативный привкус от ее музицирования исчез через несколько минут и более никогда не возвращался. Повторилось то же, что произошло, когда я впервые увидел на сцене великую Алису Коонен в роли m-me Бовари: она тоже сначала представлялась мне какой-то изломанной, а речь ее — неестественной. Но прошло несколько мгновений, и я был захвачен, влюблен, преисполнен жалости к бедной Эмме, бесконечно верил каждому ее слову и жесту. В Коонен и Дорлиак, мне кажется, мне нечто схожее: вознесенность над обыденным, редкостная одухотворенность, аристократическая утонченность, "русская еврейскость".

Дед Нины Дорлиак по отцу, гасконец, был приглашен в Россию преподавать в Смольном институте. Этот же институт окончила ее мать Ксения Николаевна, происходившая из рода немецких баронов. Она была оперной и камерной певицей мировой известности, а затем выдающимся вокальным педагогом, профессором сперва Ленинградской, а затем Московской консерватории. Дочь была одной из лучших ее учениц. Кстати, Нина Львовна, свободно владевшая иностранными языками, предпочитала, скажем, творения немецких романтиков петь по-русски. Продемонстрировать блистательное произношение французского или немецкого — это никогда ее не заботило, ибо чуждо ей было какое бы то ни было щегольство. Ей важно было, чтобы каж-

дый смысловой и эмоциональный нюанс распетого поэтического слова был воспринят каждым из слушателей. Песни Шуберта и Шумана представляли в ее исполнении исповедью трепетной женской души. Мне кажется, никто лучше, чем она — искреннее, тоньше, благороднее, — не интерпретировал романсы Глинки и Даргомыжского. А "Детская" Мусоргского, "Гадкий утенок" Прокофьева, бергеретты Векслена и французские народные песни — все это шедевры камерного исполнительства. Восхитительно нежный голос сливался с божественным звучанием рихтеровского фортепиано в нерасторжимом единстве. Слушать этот голос, высветивать аккомпанементом его оттенки было для гениального пианиста великой радостью, которая живо передавалась залу.

Нина Львовна была выдающимся педагогом. Наезжая в Москву, я заглядывал в ее консерваторский класс, неизменно испытывая наслаждение от вдохновенного мастерства, с которым она вела занятия, и от самой атмосферы взаимной любви преподавателя и учеников. Для своих питомцев Дорлиак становилась второй матерью. И после окончания ими Консерватории продолжала жить их интересами, их творчеством. Меня она не раз просила сообщать отзывы об их выступлениях, присылать рецензии. Из учеников, работающих в Петербурге, она особенно трогательно любила и ценила Татьяну Черкасову, солистку Театра имени Мусоргского, одну из лучших наших лирических певиц.

Нина Дорлиак ненадолго пережила спутника своей жизни Святослава Рихтера. Теперь их судьба и дела — достойные истории. К счастью, их творчество запечатлено в записях. Будущие поколения оценят, какое великое искусство рождалось в эпоху, которой, казалось нам, нечем гордиться.

Михаил БЯЛИК